

Д. И. Писарев

Реалисты

Д. И. Писарев. Литературная критика в трех томах

Том второй

Статьи 1864-1865 гг.

Л., "Художественная литература", 1981

Составление, подготовка текста и примечания Ю. С. Сорокина

OCR Бычков М.Н.

*(Посвящается моему лучшему другу -
моей матери В. Д. Писаревой)*

I

Мне кажется, что в русском обществе начинает вырабатываться в настоящее время совершенно самостоятельное направление мысли. Я не думаю, чтобы это направление было совершенно ново и вполне оригинально: оно непременно обуславливается тем, что было до него, и тем, что его окружает; оно непременно заимствует с различных сторон то, что соответствует его потребностям; в этом отношении оно, разумеется, подходит вполне под тот общий естественный закон, что в природе ничто не возникает из ничего. Но самостоятельность этого возникающего направления заключается в том, что оно находится в самой неразрывной связи с действительными потребностями нашего общества. Это направление создано этими потребностями и только благодаря им существует и понемногу развивается. Когда наши дедушки забавлялись мартинизмом¹, масонством или вольтерьянством, когда наши папеньки утешались романтизмом, байронизмом или гегелизмом, тогда они были похожи на очень юных гимназистов, которые во что бы то ни стало стараются себя уверить, что чувствуют неодолимую потребность затянуться после обеда крепкою папироскою. У юных гимназистов существует на самом деле потребность казаться взрослыми людьми, и эта потребность вполне естественна и законна, но все-таки самый процесс курения не имеет ни малейшей связи с действительными требованиями их организма. Так было и с нашими ближайшими предками. Им было очень скучно, и у них существовала действительная потребность занять мозги какими-нибудь размышлениями, но почему выписывался из-за границы мартинизм, или байронизм, или гегелизм - на этот вопрос не ищите ответа в органических потребностях русских людей. Все эти - *измы* выписывались единственно потому, что они были в ходу у европейцев, и все они не имели ни малейшего отношения к тому, что происходило в нашем обществе. Теперь, по-видимому, дело пошло иначе. Мы теперь выписываем больше, чем когда бы то ни было; мы переводим столько книг, сколько не переводили никогда; но мы теперь знаем, что делаем, и можем дать себе отчет, почему мы берем именно это, а не другое.

После окончания Крымской войны родилась и быстро выросла наша обличительная литература. Она была очень слаба и ничтожна, и даже очень близорука, но ее рождение было явлением совершенно естественным и вполне органическим. Удар вызвал ощущение боли, и вслед за тем явилось желание отделаться от этой боли. Обличение направилось, конечно, на те стороны нашей жизни, которые всем мозолили глаза, и, между прочим, наше негодование обрушилось на мелкое чиновничество; но такие обличительные подвиги, конечно, не могли нас удовлетворить, и мы скоро поняли, что они, во-первых, бесплодны, а во-вторых, несправедливы и даже бессмысленны. Прежде всего явилось в отпор обличительному бешенству то простое соображение, что мелкому чиновнику хочется есть и что за это естественное желание не совсем основательно считать его извергом рода человеческого. - Это точно. Пускай едят мелкие чиновники. Значит, надо увеличить оклады жалованья, - заговорили те мыслители, которые любят находить в одну минуту универсальное лекарство для всяких неудобств частной и общественной жизни. - Это само собою, - отвечали другие; - но этого мало. Когда чиновник будет обеспечен, тогда он потянется за роскошью. Надо сделать так, чтобы он не тянулся. - Ну да, конечно, - заговорили опять любители универсальных лекарств. - Дать чиновнику твердые нравственные убеждения. Дать ему солидное образование. Пускай кандидаты университета идут в квартальные и в становые. - И это